

чаются «записки» этого парадоксалиста [все выделения и подчеркивания выше сделаны Лифшицем]

[После окончания «Записок из подполья» запись Лифшица]:

1. Переход от лишних людей и демонических личностей к парадоксалистам и антигероям
2. Это по-своему демократично захватывается. «Книжка», «общечеловек» — недемократичны. Давайте будем с настоящим собственным телом, пусть хоть путем парадоксализма. Это все же живее — на безрыбье и рак рыба (чем ваша книжка). И сам Достоевский тут же предпочитает, чтобы опека сохранилась, ибо, мол, сами запросим. Таковы мы, служители жизни, нам *грош цена*. Вывод и реакционный и критичный по отношению к парадоксалистам, которым ничего не нужно, кроме спокойствия да чаю.

4. ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ «БЕСЫ»

а) Заметки на полях романа «Бесы»

[Достоевский Ф.М. Собр. соч. Том седьмой. Бесы. М., 1957]

[На этой книге из библиотеки Мих. Лифшица много его подчеркиваний, различных знаков и выделений текста; в наст. изд. воспроизводятся только маргиналии]

с. 8. Достоевский: Бесспорно, что и он [Степан Трофимович Верховенский] некоторое время принадлежал к знаменитой плеяде иных прославленных деятелей нашего прошедшего поколения...

Лифшиц: Как ни гневно о нигилистах младшего поколения, еще более зло, ядовито об «отцах». И в этом Достоевский бесспорно «разночинец», увы, совпадающий с Катковым

с. 12. Достоевский: Я ведь не утверждаю, что он совсем нисколько не пострадал...

Лифшиц: Что-то в тоне фальшивое — рассказчик и наивен и ядовит. Смеяться мы должны, [а] ухмыляется он

Достоевский: А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемены карьеры было еще преждее и снова возобновившееся деликатнейшее предложение ему от Варвары Петровны Ставрогиной...

Лифшиц: Немного напоминает положение Сазонова?

с. 13. Достоевский: Он бросился в объятия этой дружбы, и дело закрепились слишком на двадцать лет

Лифшиц: Здесь раздвоения нет. См. с. 12. Смеемся *мы*

с. 13–14. Достоевский: Воплощенной укоризною

.....

Ты стоял перед отчизною;

Либерал-идеалист^[169]

Но то лицо, о котором выразился народный поэт, может быть и имело право всю жизнь позировать в этом смысле, если бы того захотело, хотя это и скучно. Наш же Степан Трофимович, по правде, был только подражателем сравнительно с подобными лицами, да и стоять уставал и частенько полеживал на боку.

Лифшиц: Полное совпадение с критикой «Современника»

с. 14. Достоевский: А по правде, ужасно любил сразиться в карточки...

Лифшиц: *Ябеда*. Раздвоение есть

с. 40. Достоевский: Увы! мы только поддакивали. Мы аплодировали учителю нашему, да с каким еще жаром! А что, господа, не раздастся ли и теперь, подчас сплошь да рядом, такого же «милого», «умного», «либерального» старого русского вздора?

Лифшиц: Опять та же двойственность

с. 56. Достоевский: Липутин скрючился и не сумел ответить.

Лифшиц: Принцип обратного. Как это быстро сделалось [?] в русской литературе! Но предшественниками были *blasé*¹. Кстати, в чем связь и разница между Ставрогиным и Печориным? Одно направление в обломовщину, другое в ставрогинщину

с. 57. Лифшиц: Ставрогин — впадение реализма обратно в романтизм, в напыщенность, но те образы были копиями реальных противников, а этот больше — сам прототип какой-то реальной декадентски-реакционной риторики [?]

Почти *герценовское*

с. 93. Лифшиц: Оценка [неразб.] и все на том же вертится стержне — [форма — неразб.] достоинства личности и «маковки» — кто кого — и то же во внутрь

с. 112. Достоевский: Да и я хочу верить, что вздор, и с прискорбием слушаю, потому что, как хотите, наиболее благороднейшая девушка замешана, во-первых, в семистах рублях, а во-вторых, в очевидных интимностях с Николаем Всеволодовичем. Да ведь его превосходительству что стоит девушку благородную осрамить...

Лифшиц: Оскорблено само благородство (тем более подозреваемое в том, что его нет) и должно быть дефлорировано²

с. 113. Достоевский: ...Липутин только теперь подтвердил его подзрения и подлил масла в огонь.

Лифшиц: А почему бы и нет, судя по поведению В[арвары] [Петровны]. Что в этом дурного?

с. 124. Достоевский: — Если будет все равно, жить или не жить, то все убьют себя, и вот в чем, может быть, перемена будет

Лифшиц: Вовсе нет: Диоген? «Потому не убиваю себя, что безразлично»

¹ Пресыщенный; скептический; пресыщенный человек; скептик (*фр.*).

² Происходит от *лат.* deflorare — «срывать цветы; дефлорировать», далее из *de* (выражает отделение, устранение, отсутствие чего-либо или завершение действия) + *flos* (*floris*) — «цветок, цвет».

с. 156. Лифшиц: Мазня.

с. 218. Достоевский: Рассказывали, например, про декабриста Л-на... Лифшиц: Лунина?

Достоевский: Стало быть, многосторонне понимал борьбу; не с медведями только и не на одних дуэлях ценил в себе стойкость и силу характера.

Лифшиц: Нет, не Достоевскому *это* понять. Он понял здесь только Сильвио, Липранди

с. 219. Достоевский: ...если бы только надо было, и от разбойника отбил бы в лесу — так же успешно и так же бесстрашно, как и Л-н, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения...

Лифшиц: Печорин?

Тут верно то, что это все выход из *чести* в белое озлобление.

Эксперимент более озлобленной отрешенности.

с. 252. Достоевский: Кириллов промолчал.

— Они не хороши, — начал он вдруг опять, — потому что не знают, что они хороши. Когда узнают, то не будут насиловать девочку. Надо им узнать, что они хороши, и все тотчас же станут хороши, все до единого.

Лифшиц: Фантастическая фейербаховщина, хотя не бесцельная ложь, потому что есть нечто вторичное: от ограничений, осуждений, греховности, от норм, цензуры человек становится не хорош *par dépit*¹ и точно так же от ощущения своего несчастья — несчастлив из гордости etc. Это, стало быть, кирилловщина есть двойное *dépit*.

Достоевский: [Ставрогин:] — Богочеловек?

[Кириллов:] — Человекобог, в этом разница.

— Уж не вы ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажег.

— Уверовали?

— Старухи любят, чтобы лампадку... а ей *сегодня некогда* [выделено Лифшицем], — пробормотал Кириллов.

Лифшиц: тоже Фейербах

с. 263. Достоевский: — [Шатов:] ...вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание... Впрочем, вы видели.

Лифшиц: Ставрогин экспериментатор в человецех?

с. 305. Достоевский: [Кириллов:] — Я думал, вы сами ищете бремя.

[Ставрогин:] — Я ищу бремени?

— Да.

Лифшиц: Страшно без бремени.

с. 306. Достоевский: [Кириллов:] — Не ваше дело. Несите бремя. А то нет заслуги.

[Ставрогин:] — Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ее!

¹ С досады; вопреки (*фр.*).

Лифшиц: Не настоящий «подвиг». Не может освободиться. В чем подвиг русского свободного человека из дворян. И М[арья — неразб.] Тимофеевна бремя.

с. 306–307. Достоевский: [Ставрогин:] — Я знаю, что я ничтожный характер, но я не лезу и в сильные.

[Кириллов:] — И не лезьте; вы не сильный человек. Приходите чай пить.

Николай Всеволодович [Ставрогин] вошел к себе сильно смущенный.

Лифшиц: Не худо. Загладил все же, сукин сын Достоевский, свою мазню!

с. 358. Достоевский: [Варвара Петровна:] — Кармазинов, этот почти государственный ум! Вы слишком дерзки на язык, Степан Трофимович!

[Степан Трофимович:] — Ваш Кармазинов — это старая, исписавшаяся, обозленная баба!

Лифшиц: И все же автор находит в нем *нечто*

с. 362. Достоевский: [Об Юлии Михайловне Лембке, губернаторше:] Многие мастера погрели около нее руки и воспользовались ее простодушием в краткий срок ее губернаторства. И что за каша выходила тут под видом самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идейки, и строгий тон аристократического салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала *дать счастье* и примирить непримиримое, вернее же соединить всех и все в обожании собственной ее особы. Были у нее и любимцы; Петр Степанович [Верховенский], действуя, между прочим, грубейшей лестью, ей очень нравился.

Лифшиц: Черта верная: обращение ко всем (нечаевщина)

с. 363. Достоевский: [подпоручик] не вынес выговора и вдруг бросился на командира с каким-то неожиданным взвизгом, удивившим всю роту, как-то дико наклонив голову; ударил и изо всей силы укусил его в плечо; насилию могли оттащить

Лифшиц: Случай из «Колокола» (Киев?)

с. 395–396. Достоевский: Петр Степанович положил мяч в задний карман.

— А я вам не дам ничего против Ставрогина, — пробормотал вслед Кириллов, выпуская гостя. Тот с удивлением посмотрел на него, но не ответил.

Последние слова Кириллова смутили Петра Степановича чрезвычайно...

Лифшиц: т. е. в последнем письме?

с. 400. Достоевский: [Маврикий Николаевич:] Напротив, из-за любви, которую она [Лизавета Николаевна] ко мне чувствует, тоже искренно, каждое мгновение сверкает ненависть, — самая великая!

Лифшиц: «наперекорная любовь». Это важно — из грибулического мира.

с. 404. Достоевский: [Петр Степанович Верховенский:] — Вы начальник, вы сила; я у вас только сбоку буду, *секретарем* [выделено Лифшицем]. Мы, знаете, сядем в ладью, веселки кленовые, паруса шелковые, на корме сидит красна девица, свет Лизавета Николаевна... или как там у них, черт, поется в этой песне...

Лифшиц: см. Разин. Та же игра самолюбий — чей верх, П[етра] С[тепановича] или Ставрогина. Петр Степанович хочет быть «секретарем» при Ставрогине, а этот вроде вождя для публики, [далее неразб.]

с. 405. Достоевский: [Ставрогин:] — Знаете еще, что говорит Кармазинов: что в сущности наше учение есть отрицание чести и что откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно.

Лифшиц: Тоже род «опрощения», заголения и верно, но не по тому адресу.

с. 412. Достоевский: Студентка же, конечно, ни в чем не участвовала, но у ней была своя забота: она намеревалась погостить всего только день или два, а затем отправиться дальше и дальше, по всем университетским городам, чтобы «принять участие в страданиях бедных студентов и возбудить их к протесту»

Лифшиц: Невеста Ткачева. Да, но что изображено!

с. 424. Лифшиц: Шигалев — одно, Верховенский — другое. Верховенский — дело

с. 425–426. Достоевский: [«Хромой»:] — ... Только вот что-с: в случае постепенного разрешения задачи пропагандой я хоть что-нибудь лично выигрываю, ну хоть приятно поболтаю, а от начальства так и чин получу за услуги социальному делу. А во-втором, в быстром-то разрешении, посредством ста миллионов голов, мне-то, собственно, какая будет награда? Начнешь *пропагандировать* [выделено Лифшицем], так еще, пожалуй, язык отрежут.

Лифшиц: Бакунинско-нечаевская жестокость [?]

с. 441. Достоевский: [Петр Степанович Верховенский:] — Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

[Ставрогин:] — Кого?

— Ивана-царевича.

— Кого-о?

— Ивана-царевича; вас, вас!

Лифшиц: *Трикстер* [?]

с. 506. Достоевский: [Степан Тимофеевич Верховенский:] — Я, отживший старик, я объявляю торжественно, что дух жизни веет по-прежнему и живая сила не иссякла в молодом поколении. Энтузиазм современной юности так же чист и светел, как и наших времен. Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другою! Все недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?^[170]

Лифшиц: Полемика с Герценом

с. 614. Достоевский: [Кириллов:] — Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу... [...] Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более *пяти секунд* [выделено Лифшицем] — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдам всю мою жизнь, потому что стоит.

Лифшиц: Мало! Но все же конечная величина

с. 642. Достоевский: [Кириллов:] — Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога. Пусть узнают раз навсегда.

Лифшиц: Проблема иллюзий. Все иллюзии = бог. Это левый гегельянизм. Но с выводом — если нет ничего, никакого бога, то нужно отрицать и себя как человека, *сметь* и тогда откроется полная свобода (от *страха*). Страх смерти = Кьеркегор.

с. 702. Достоевский: [Ставрогин:] Обо всем можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Все всегда мелко и вяло. *Великодушный* [выделено Лифшицем] Кириллов не вынес идеи и — застрелился; но ведь я вижу, что он был *великодушен* [выделено Лифшицем] потому, что не в здравом рассудке. Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он. Я даже заняться идеей в той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрелиться!

Лифшиц: При страшной силе. А Кириллов думал, что идея сила.

б) Заметки на полях примечаний Ф.И. Евнина к роману «Бесы» (Достоевский Ф.М. Собр. соч. Том седьмой. Бесы. М., 1957)

с. 708. Евнин: Достоевский поставил себе целью в «Бесах» идейно и морально опорочить революционный лагерь, все русское освободительное движение — представив их в отталкивающем, карикатурно-искаженном виде.

Лифшиц: Болезни мелкобуржуазной демократии и ее проблемы представлены верно или правдоподобно

с. 712. Евнин [о Нечаеве как прообразе Петра Верховенского]

Лифшиц: Но весьма большое различие в образах Верховенского и Нечаева (начиная с социального происхождения)

с. 713. Евнин: применение методов, подобных нечаевским, противоречило самой природе, высоким целям освободительного движения. [...] Их воодушевляли самые возвышенные и благородные идеалы.

Лифшиц: Но это проблема! Утилитаризм [неразб.] и «благородство». 1. не благодеяние, личная причастность [?], страсть. 2. разум в природе вещей, через *знание* [?]

с. 714. Евнин: Желябов, пытаясь спасти товарищей, брал на себя всю вину за совершенное царубийство

Лифшиц: Это не Лунин, но это *не* утилитаризм. А может быть, это «далекий расчет»?

с. 718. Евнин: Достоевский рисует Шигалева [прототипом которого был публицист и нигилист В.А. Зайцев, см. ниже, примеч. 176] ограниченным, оторванным от жизни доктринером-педантом

Лифшиц: Но он имел право *додумывать*

с. 719. Лифшиц: не то, это [неразб.] против [неразб.] *нового* типа (Верховенского)

с. 720. Евнин: ...незадачливый губернатор-немец должен был, по мысли Достоевского, воплощать в себе засилие немцев в правительственном аппарате.

Лифшиц: Не потому, а потому что это при азиатском деспотизме маньчжур, чужак должен был быть на троне^[171]. Все чужие. Это даже хорошо. «Придите и владейте нами»

Евнин: В свете этой парадоксальной, надуманной концепции становятся понятными отношения между Юлией Михайловной и Верховенским и многие ее реплики в романе (что «социализм слишком великая мысль»; что надо «направить это великое общее дело на истинный путь» и т. д.)

Лифшиц: не то

Евнин: Та же мысль проходит и через записи Достоевского о Варваре Петровне Ставрогиной: «Понятия феодального барства и нигилизма так и выпрыгивают без всякой связи из ее головы»

Лифшиц: Но верно то, что Достоевского злит и «аристократизм» пушкинского типа, злит по-булгарински^[172].

с. 721. Евнин: В записных тетрадах к роману представителям дворянской знати вменяется в вину «цинический нигилизм ко всему, что доселе считалось прекрасным и доблестным...»

Лифшиц: R[ight]! И в то же время — сколько взгляда снизу вверх! Это худшее в «Бесах». Хуже карикатуры.

с. 722. Евнин: [из] письма Достоевского к Каткову: «К собственному моему удивлению это лицо (Верховенский-сын. — Ф. Е.) наполовину выходит у меня лицом комическим»

Лифшиц: что не верно, и *странно* в романе.

с. 727–728. Евнин: Попыткой злостной дискредитации будущего социалистического общества является в тексте «Бесов» бредовый «план» Шигалева («шигалевщина»).

В своих суждениях о «политическом» социализме Достоевский в «Бесах» (как и в «Дневнике писателя») не сумел выйти за рамки оценок и понятий, характерных для антагонистического общества.

Лифшиц: Надо различать *политические* идеи Верховенского и *социальную* Шигалева

¹ Верно, правильно (англ.).

с. 732. Евнин: Отрицательно оценив роман в целом, прогрессивная печать 1870-х годов делала исключение для образа Степана Трофимовича Верховенского, считая, что в нем Достоевский воплотил ряд черт либералов-западников 1840-х годов.

Лифшиц: Что же так несправедливо?

с. 737. Евнин [цитата из: *Ермилов В. Ф. М. Достоевский: Вступительная статья к Собр. соч. Достоевского в 10 т. Т. 1. С. 65*]: «...за всей мистификацией у Достоевского на деле всегда скрывается одна объективная социальная реальность: ужас перед капитализмом [выделено Лифшицем] и порождаемым капиталистическим обществом аморализмом... [...] Желая поразить тех, кого он считает политическими “нигилистами”, Достоевский на деле побивает буржуазных *моральных нигилистов*, отщепенцев, врагов человечества»

Лифшиц: Сомн[ительно]. Не в этом дело.

с. 740. Евнин: Борясь против «чистого искусства» и идеалистической эстетики, Писарев в ряде статей («Реалисты», «Пушкин и Белинский» и др.) допустил антиисторические, ошибочные, узко утилитаристские оценки искусства в целом и творчества Пушкина в частности

Лифшиц: Как будто это случайность?

5. ФРАГМЕНТЫ ИЗ АРХИВНОЙ ПАПКИ № 302 «БЛАНКИ. ТКАЧЕВ^[173]»

с. 45. Ткачев как первый предшественник вульгарного марксизма

с. 51. Литературная деятельность Ткачева началась с 1862 г. в журнале *Достоевского* «Время» статьей о показаниях о преступлении против законов о печати^[174]. Печатался он также в сменившей «Время» в 1863 г. «Эпохе» и др. журналах. Идеи — преступление есть результат условий. Последовательность до абсурда — особенность Ткачева (Козьмин, 44^[175]). [Фраза неразб.] Закончился этот период, когда в 1865 г. журнал Достоевских перестал выходить.

с. 54 → Позволяя себе некоторое обобщение, можно, пожалуй, сказать, что именно направление «утилитаристов», *писаревско-зайцевско*^[176]-*ткачевское* подходило довольно близко к марксизму в его вульгарно-социологическом варианте

с. 57–58. Эта точка зрения [Ткачева] включает в себя и отрицание роли *политических свобод и равноправия* самих по себе. То же — *марксизм-реализм* [Ткачев называл себя «реалистом»] — смесь с прудонизмом и достоевщиной. Козьмин (65) ссылается на «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского 1863 г. — европейская свобода для людей, имеющих по миллиону в кармане → Верно, но не следует ли из этого, что *свобода и гражданские права* не нужны для социализма? Да тут есть та философия революционного «меньшинства» (1874), принудительно [неразб.] социализм посредством *сохранения централизации* (в духе «Мо-